

(00:07:00) (Начало записи)

Приглашение на сцену: Сессия «Новое блоковое разделение мира. Стратегия России». На сцену приглашаются: Модератор - Кобяков Андрей Борисович, экономист, политолог, публицист, общественный деятель. Директор по международным связям Московского экономического форума. Участники: Бал Кришан Шарма, директор Объединенного института оборонных исследований Нью-Дели. Глазьев Сергей Юрьевич, академик Российской академии наук. Председатель научного совета Российской академии наук. Голубовский Дмитрий Олегович, аналитик компании «Золотой монетный дом», эксперт по финансовым рынкам, инвестиционный консультант, публицист. Ли Бо, директор по стратегии медиапортала Guancha, Китай. Срджа Трифкович, редактор по вопросам международных отношений журнала Chronicles США, профессор международных отношений в университете Баня-Луки, Республика Сербская, Босния и Герцеговина. Фелисиано де Са Гимарайс, академический директор Бразильского центра международных отношений SEBRI, доцент Института международных отношений Университета Сан-Паулу.

Андрей Кобяков: Дорогие друзья, здравствуйте. Я рад, что мы снова собрались в стенах цифрового делового пространства на очередном девятом Московском экономическом форуме. Прекрасное событие, проходящее, как всегда, в сложное и чрезвычайно интересное время. Я постараюсь быть очень кратким. Преимущество выступления на большой сцене то, что нас уже всех представили, поэтому я эту часть моих обязанностей манкирую по понятным причинам.

(00:10:04)

Буквально несколько слов, чтобы предварить наше сегодняшнее выступление и дискуссию. Мир претерпевает очень быстрые изменения прямо у нас на глазах. Время как будто бы спрессовалось, скорость изменений выросла до астрономических масштабов. В этих событиях одни видят кризис глобализации, другие делают акцент на кризисе в области ценностей, неолиберальной постмодернистской концепции мироустройства, общества, семьи, самого человека и его морали.

Однако вряд ли стоит относиться к этим событиям как к чему-то неожиданному и внезапному. Кризис этот назревал даже не годами, а уже десятилетиями. Противоречия накапливались и, как это часто бывает, количество переросло в качество. Это закономерная реакция на множество дисбалансов, напряжений, противоречий, сложившихся и скопившихся в мире. Сейчас мы находимся в своего рода точке бифуркации, когда еще рано делать окончательные выводы о конкретных направлениях изменения истории. Однако некоторые тенденции обозначаются вполне отчетливо.

Буквально тезисно. Возвращение так называемой реальной политики. Оно налицо. Возникшая трещина в западном альянсе между США и Европой. Появление на авансцене государств, которые все более осознают свой потенциал быть мировыми державами. Амбиции многих государств второго порядка, региональных держав, которые все решительнее заявляют о собственных интересах. Протекционизм, торговые войны, за

которыми последуют войны валютные, финансовые, технологические. Наконец, крупные страны в этих условиях, как мне представляется, будут стремиться к обеспечению большей собственной безопасности за счет повышения уровня самодостаточности, обеспеченности ресурсами и гарантированными рынками сбыта. Будут активнее формироваться регионы и альянсы, стремящиеся к обеспечению собственной квази-автономии, квази-замкнутости и квази-автаркии.

Таковыми крупными мазками я бы обозначил несколько провокационные тезисы для того, чтобы задать некий тон нашей дискуссии. Я думаю, что среди вопросов, которые мы также можем сегодня захватить и объявленные в программе: попытка США вернуть себе позиции глобального доминанта и доктрина «Мир посредством силы» – это путь к миру или к конфликтам? Разделение блока на политические, военные, экономические блоки и макрорегионы. Какие экономические зоны и альянсы могут возникать и какие есть перспективы у стран с внеблоковой ориентацией. Может ли усилиться роль движения неприсоединения.

Нашу сегодняшнюю панельную сессию планирую провести в два раунда. Сначала каждый спикер выступит с сообщением примерно в семь минут. Потом мы пройдем по второму кругу. У спикеров будет еще три-четыре минуты, чтобы добавить что-то к уже сказанному или осветить какие-то дополнительные аспекты нашей повестки. Первым я хотел бы предоставить слово академику Глазьеву. Сергей Юрьевич сегодня занят в большом количестве сессии. Он нас покинет раньше. Поэтому, во-первых, чтобы ему не нервничать, что он куда-то опаздывает, а во-вторых, думаю, что это вполне заслуженно – человек имеет огромный опыт работы государственной, политической деятельности, причем по профилю сегодняшней нашей дискуссии, человек, который занимался внешнеэкономическими связями России, Евразийским экономическим союзом и интеграционными процессами. Я думаю, чрезвычайно важно услышать его мнение и со стороны опыта государственного деятеля, и выдающегося ученого. Сергей Юрьевич, вам слово.

Сергей Глазьев: Спасибо большое, Андрей Борисович. Уважаемые коллеги, я сразу хочу заметить, что за кажущимся хаосом и турбулентностью на самом деле скрываются достаточно четкие закономерности долгосрочного экономического развития, которые схематично представлены на этом первом слайде, где вверху мы видим смену мирохозяйственных укладов. Каждый жизненный цикл мирохозяйственного уклада – это соответствующий вековой системный цикл накопления капитала в терминологии Арриги.

(00:15:22)

Внизу показаны жизненные циклы технологических укладов, которые проявляются в длинных волнах Кондратьева. Эту матрицу периодического развития индустриальной эпохи мы с коллегой Айвазовым из Орловского университета разработали лет 20 назад, и с тех пор события происходят именно так, как позволяет прогнозировать теория длинных циклов.

Мы с вами находимся в правой части этого графика и одновременно переживаем две революции. Смена технологических укладов – это всегда технологическая революция.

Надо сказать, что она уже практически завершилась. Сформировалось ядро нового технологического уклада из комплекса нано, биоинженерных, информационно-коммуникационных, аддитивных и цифровых технологий. Это ядро растет устойчиво, в передовых странах с темпом около 30% в год. Это основа уже родившейся новой длинной волны Кондратьева. Те страны, которые не успели создать у себя ключевые производства нового технологического уклада, уже, к сожалению, будут обречены на догоняющее развитие в ближайшие 20-30 лет.

Завершается переход к новому мирохозяйственному укладу, который начался с распада Советского Союза и сейчас на наших глазах завершается распадом Pax Americana. Именно это сейчас происходит. Ничего удивительного в этом нет. Имперский мирохозяйственный уклад уходит в прошлое. Его разрушение, как и положено, согласно закономерностям длинных вековых системных циклов накопления капитала Арриги, заняло практически 30 лет. И та система управления, которая сначала рухнула в Советском Союзе вследствие перегруженности централизованного директивного управления расширением неэффективных производств, сейчас рухнет в США вследствие перегруженности экономической системы финансовыми пузырями.

То есть это две противоположные ипостаси политически, но обе довольно близких управленческих системы уходят в прошлое, и уже сформировался новый мирохозяйственный уклад, центр которого находится в Восточной и Южной Азии. Все прогнозы говорят, что стороны ядра нового интегрального мирохозяйственного уклада, в основе которого лежит биполярное ядро Китай-Индия, также Япония, Южная Корея, Сингапур, страны АСЕАН примыкают к этому ядру. Здесь будет новый центр, точнее уже сложился новый центр мировой экономики, который превосходит старый не только в темпах экономического роста, эти страны в три раза быстрее развиваются, Китай-Индия, чем страны Запада и наша, так сказать, периферия, возникшая после распада Советского Союза. Они идут вперед и уже производят больше продукции, доминируют во внешне мировой торговле, и это превосходство будет только увеличиваться.

Здесь вы видите сравнительные темпы страны, которая формирует один из полюсов нового мирохозяйственного уклада, Китай, где за четверть века рост производства многократный, который, вы видите, в два-три раза они развивались быстрее за этот период, чем страны Запада. И еще раз подчеркну, страны Евразийского экономического союза, которые стали сырьевой и финансовой периферией стран Запада после распада СССР, достигнуты за счет наращивания инвестиций и кредитов.

Я на пленарке этот график показывал, не буду сейчас подробно на нем останавливаться, могу только заметить, что секрет китайского экономического чуда заключается в более эффективной системе управления. Индия сейчас идет по тому же пути, ее темпы роста даже выше, чем в Китае, хотя это биполярное ядро нового мирохозяйственного уклада политически противоположных стран, коммунистический Китай и демократическая Индия, тем не менее с точки зрения управленческой много общего.

Прежде всего это примат общественных интересов над частными и в Китае, и в Индии, и в других странах ядра интегрального мирохозяйственного уклада. Общие интересы важнее частных. Государство остается правовым, остается развивающим, умным и так далее.

(00:20:00)

То есть во многом значительную роль играет стратегическое планирование и неэкономические цели. Кардинально меняется вообще целеполагание в экономической политике. Главной целью денежно-кредитной политики стал рост инвестиций. Во внешнеэкономической политике повышение национальной конкурентоспособности. Налогово-бюджетная политика стимулирует инновации. Государство регулирует пропорции ценообразования. Проводится активная промышленная политика. Вся банковская система работает как один большой институт развития. В трудовых отношениях трудящиеся участвуют в управлении предприятиями и творчески самореализуются в этом процессе. Огромное значение играет природопользование и экология. И вся система госуправления работает как один большой институт развития.

Еще раз подчеркну, что политические формы могут быть разными, но эта система управления имеет сходство. Прежде всего, это примат общественных интересов в регулировании рынка. И частное государственное партнерство ориентировано на реализацию общественных интересов. Стратегическое планирование сочетается с рыночной конкуренцией. Денежное обращение регулируется в интересах повышения роста инвестиций. И эта более эффективная система управления демонстрирует потрясающие успехи. Мы, находясь пока на периферии этого процесса, тем не менее уже переориентировались на новый центр мировой экономики. За буквально три года Китай стал нашим главным торговым партнером. Бурно растет торговля с Индией, со странами АСЕАН, в то время как страны Запада теряют свой вес в российской экономике.

Буквально еще две минуты, если позволите, я, к сожалению, не смогу быть на второй части. Я бы хотел сейчас остановиться на наших реалиях. К сожалению, Россия интегрируется в новый мирохозяйственный уклад пока так же, как сырьевая периферия. Это связано с тем, что мы не обладаем той системой управления, которая характерна для интегрального мирохозяйственного уклада. Нет системности, нет понимания роли институтов развития, которые у нас на два порядка меньше, чем должны были быть. Нет участия трудящихся в управлении и нет, самое главное, сочетания стратегического планирования и рыночной самоорганизации в контурах управления.

У нас экспорт, к сожалению, остается сырьевой, хотя мы переориентировались на новый центр мировой экономики, но переориентируемся как поставщик сырья. Что нужно было бы сделать для того, чтобы выйти из этой ситуации? Я уже на пленарке говорил, что нам необходимо подчинить все макроэкономическое регулирование задачами наращивания инвестиций и роста производства в интересах общественного благосостояния. Для этого надо выйти из той примитивной денежной политики, которая сегодня крутится вокруг манипулирования ключевой ставкой в целях борьбы с инфляцией, которая лишает экономику кредита и возможности развития, перейти на другую макроэкономическую политику, где целевое кредитование обеспечивает опережающий рост передовых

производств, где конечные заемщики могут получать кредиты не более чем под 2-3% годовых для реализации перспективных направлений, инвестиций в освоение новых технологий. Центральный банк создает эти условия посредством специальных инструментов рефинансирования.

Поэтому если мы хотим войти в число стран ядра нового мирохозяйственного уклада, нам нужно реализовывать те самые цели в экономической политике. Прежде всего переориентировать политику на рост общественного благосостояния, регулировать рынок в целях роста общественного благосостояния. Главное условие для этого – это опережающий рост инвестиций и реализация стратегии опережающего развития, о которой я, опять же, говорил на пленарном заседании.

Перед тем как завершить, я бы хотел отметить, отвечая на вопрос нашего модератора, что нам понятно что будет на востоке и на юге Азии. Там будет экономический рост в ближайшие 20-30 лет. Биполярное ядро нового мирохозяйственного уклада, конкуренция Индии и Китая будет определять глобальное экономическое развитие. Нам менее понятно что будет на Западе, потому что нарастающий хаос в США и фактически распад Рак Americana, попытки новой американской администрации выйти из-под обвала финансовой пирамиды за счет сбрасывания долгов и обязательств. Этот процесс только начался. Но нет сомнений, что для того чтобы США реализовать задачу оздоровления бюджета, оздоровления финансовой системы, придется мягко говоря отказаться от своих обязательств.

(00:25:02)

Не только перед Россией, Венесуэлой и Ираном, что уже они сделали, но и перед другими своими партнерами, в том числе нынешними союзниками. Мне кажется к этому дело идет, поэтому нам нужно создавать новую валютно-финансовую архитектуру. Мы в странах БРИКС этим занимаемся, продвигаем идею перехода на новую цифровую мировую расчетную валюту. Эпоха доллара завершается, все меньше стран всерьез рассматривают эту валюту как резервную, она стала политически токсичной, для нас вообще перестала быть валютой. И чем быстрее мы создадим эту новую валютно-финансовую архитектуру, которая нас защитит от конвульсии разлагающейся долларовой финансовой системы, тем более устойчивым будет наше развитие.

Печальным представляется будущее Европы, которая совершает на наших глазах акты экономического самоубийства, но наше будущее, во всяком случае, зависит от нас, удастся ли нам реализовать рекомендации Московского экономического форума, и тогда все будет хорошо. Спасибо.

Андрей Кобяков: Спасибо, Сергей Юрьевич, за ваш чрезвычайно важный вклад в нашу дискуссию. Несомненно был представлен взгляд человека с государственным видением, и мы, я думаю, от всей души желаем плодотворной работы на благо отечества вам, на всех тех должностях и постах, которые вам еще будут отпущены, я в этом уверен. Спасибо еще раз. И до свидания, да, поблагодарим за участие.

Второму я хотел бы предоставить слово нашему давнему другу, большому другу России, Московского экономического форума, моему личному другу, выдающемуся эксперту в области анализа международных отношений, Срджу Трифковичу.

Срджа Трифкович: Большое спасибо. Я хотел бы сейчас сфокусироваться на теме нашей сессии, если вы позволите. Итак, я хотел бы сфокусироваться на названии нашей сессии, которая звучит как «Стратегия России в новом блоковом разделении мира». То есть, на самом деле, пока еще не сложилось новое блоковое разделение мира. И что мы видим после инаугурации Дональда Трампа, с момента которого прошло два месяца. Это то, что выглядит как перекалибровка внешней политики США. Но возникает вопрос, означает ли это тектонические сдвиги, которые будут постоянны по своей сути. На самом деле, я так не считаю.

В первую очередь я бы сказал, что по-прежнему существует определенное неконсервативное и, скажем так, русофобское подразделение внутри администрации. Это и Келлог, и Марко Рубио. И, на самом деле, сейчас мы видим, в общем-то, что России уготовлена ловушка подобная Минску-3. Который оставляется в надежде, что Россия согласится на подобного рода сделку по Украине.

Также возникает вопрос, станет ли США одной из наций в многополярном мире суверенных государств, безопасных и мощных, которые будут ставить во главу угла свои интересы. Или же это просто такая психотическая идея мессианизма, когда эта страна будет увлекаться идеей превосходства. Превосходства своего правящего класса. Я не думаю, что и то и другое сбудется. Я думаю, что, общаясь с Россией, администрация Дональда Трампа будет, скажем так, сдвигаться в какие-то другие области. Мы можем говорить про сдвиг в области Индо-Тихоокеанского региона, и вряд ли это будет означать революцию саму по себе.

Но мы можем называть это более глубокой проблемой, и результатом этой проблемы станет геополитическая детерминанта. И, на самом деле, это не может быть решено при помощи воли человека. Внешняя политика формируется не только действиями и решениями людей, но также структурами и ограничениями. В первую очередь, это обусловлено географическими факторами и историческими прецедентами.

Итак, семь лет назад Грэхам Аллисон описал эту ограничивающую рамку, говоря, что это ловушка Фукидида, которая говорит о том, что война между США и Китаем будет, если не неизбежной, но весьма вероятной в ближайшие несколько десятилетий.

(00:30:13)

И кто-то может сказать, что подобная преемственность соперничества существует между США и Россией как апогей наземной власти морской державы, которая присутствовала в политических дискурсах с момента Пелопоннесских войн, когда Афины – это были США, а Спарта – это была Россия. Вот если мы можем такую метафору предложить.

Этот комплекс вопросов, в общем-то, можно разрешить при помощи книг и философии Шмидта. Изначально эта книга была опубликована в 1942 году прошлого века, и этот гений XX века, гений политологии, объясняет, почему очень часто мы можем, в общем-то, многое

объяснять пространством, и эти пространственные ограничения, они, в общем-то, укоренены в нашем исследовании истории.

И, сказав это, я хотел бы вернуться к вопросу того, что произойдет дальше в отношениях между Россией и США. Джон Миршаймер – это человек, который заложил основы политологии в США. Буквально два дня назад он сказал, что одновременно с общественно доступными переговорами ведутся секретные переговоры, потому что, в общем-то, то, что мы видим и то, что выставляется на публику, не приводит нас ни к чему.

И четыре причины он выявляет. В первую очередь, у России есть все основания быть подозрительным в отношении намерений Запада, и есть основания не доверять обещаниям, которые дает Запад. Потому что, в любом случае, и Ангела Меркель, и Франсуа Олланд за последние годы уже признавались, что соглашения **Минска** (00:32:25) 1 и 2, в общем-то, были подписаны для того, чтобы выиграть время для того, чтобы обмануть русских, чтобы вооружить Украину.

Во-вторых, Россия, русские, в конце концов, выигрывают эту войну. И в нынешней форме, я уверен, оборона на северо-западной части Донбасса схлопнется в ближайшие несколько недель или месяцев, если не будет никакой мотивации заморозить конфликт по нынешней зоне соприкосновения. В тот момент, когда становится очевидно, что для США основная задача – это выйти из этого конфликта с тем, чтобы Украина не потерпела сокрушительное поражение, и также не существует желаний между Москвой и действующим режимом в Киеве вести переговоры напрямую. Я думаю, что это действительно проблема, потому что переговоры между Москвой, Вашингтоном и Зеленским... Зеленский считает, что Европа его выкупит и будет таскать каштаны из огня. Для него это не произойдет.

И на самом деле, статус территории, которая находится под властью России, сейчас которая конституционно и юридически включена в состав Российской Федерации, я думаю, что эта последняя часть будет особенно важной, потому что это та часть, та территория, тот вопрос, по которому ведутся самые серьезные переговоры. Именно здесь, может быть, России придется пойти на какие-то уступки в рамках переговоров. И если только, и на этом я закончу, если только, соответственно, не будет отторгнуто побережье Черного моря для Измаила, то есть означает Одессу и города Николаева, я думаю, что цели и задачи специальной операции не будут достигнуты и не будут иметь никакого значения.

И, наконец, заключительный анализ. Если, допустим, хирург вырезает раковую опухоль и оставляет какие-то кусочки этой раковой опухоли, и мы видим, что бандеровцы, в общем-то, по-прежнему действуют и во Львове, и в Киеве, и в Ивано-Франковске, и в Подолье, это означает, что этот рак можно победить только временно, но, опять же, метастазы пойдут, но уже через какое-то время.

(00:35:15)

Андрей Кобяков: Сейчас хочу предоставить слово генерал-майору Бал Кришан Шарме, который возглавляет центральное важнейшее стратегическое и учебное заведение, и исследовательский центр, связанный со стратегической подготовкой офицеров индийской

армии. Я думаю, что взгляд профессионального военного и профессионального стратегического мыслителя для нашей конференции тоже очень важен. Прошу, вам слово.

Бал Кришан Шарма: Большое спасибо. Большое спасибо за то, что дали мне эту возможность выступить на столь уважаемой платформе, на столь уважаемом форуме. И, на самом деле, я хотел бы оттолкнуться от того, что сказал предыдущий уважаемый оратор. И сначала я хотел бы начать с выводов, а потом я обосную, почему я думаю именно так.

Мы знаем, что миропорядок, сложившийся после Второй мировой войны, сейчас уже практически сошел момент, и новый еще не зародился, не появился, но я думаю, что мы можем проанализировать разные этапы развития мирового порядка. Первое — это двухполярный мир, биполярный мир, который проходил по идеологическим линиям, и идеология сейчас опять выступает на передний план в виде цивилизационных противоречий.

Дальше. Мы сейчас вступаем в эпоху того, что вы называете асимметричной биполярности, то есть это противостояние США и Китая, и иногда говорится про группу двух, но пока эта концепция не нашла своего подкрепления. И также мы говорим про вступление в эпоху того, что вы можете назвать такой разрозненной многополярностью, которая характеризуется нефункциональной многополярностью, которая бросает вызов многополярности и, в общем-то, приводит к односторонности и унилатерализму, две страны — США и Китай сейчас набирают свое влияние, Россия остается сильной, и, соответственно, многие страны готовы отставить свои интересы.

И мы видим подъем других стран, таких как Глобальный Юг, и Двдцатка, и где-то части того-другого объединения. Все это уходит корнями к тому, что вы называете стратегической автономией. Но дальше. Крупный стратегический вызов, в общем-то, появился, когда произошел ковид, и во время ковида большинство стран, в общем-то, стало брать на вооружение менталитет осады, и *Rax-Sinica* и *Rax Americana* начали разрушаться. И еще два стратегических шока произошло, это война на Украине и конфликт в секторе Газа, и после этого к власти пришел Дональд Трамп, который был одним из самых непредсказуемых лидеров за всю историю США.

И вот эта версия Дональда Трампа 2.0 только усугубила проблему, потому что не только он вызвал внутренний хаос, но также он, в общем-то, пробудил внешние политические шоки. То есть, когда он выступил под лозунгами «Америка на первом месте» или «Сделаем Америку великой снова», но существует три важных аспекта его философии. Одна — это то, что он помогает в демонтаже существующего миропорядка. Вторая — весь его подход заключается в том, чтобы заключать сделки. То есть, это транзакционная дипломатика, которую он применяет к государственному управлению. И третья — это, соответственно, то, что он, в общем-то, пытается увязать возможности США в экономическом и в военном плане.

Сейчас также появляются различные экономические блоки. Один — это коллективный Запад, а второй — это альянс между Европейским Союзом и так далее. Дальше есть **5i, OKOC** (00:39:50) и так далее. Это все военные блоки. Но если мы посмотрим на коллективный

Запад и на НАТО, их позиции были консолидированы с момента начала Украинского конфликта. Но когда речь зашла про конфликт в секторе Газа, то там обнаружилось противоречие с Европой, потому что Европа отказалась подписаться под тем, что делал США в секторе газа.

(00:40:13)

Дальше. Очень часто люди начинают говорить про то, что Иран, Северная Корея, Китай, Россия объединяются. Но я бы сказал, что это скорее теория, нежели реальность на Земле, потому что ни Китай, ни Россия не хотели бы, чтобы они оказались подобной моделью, подобной конструкцией, которая направлена целиком против Запада.

Дальше. Во время саммита в Нью-Дели появилась группа 21. И я бы сказал, что эти страны, которые наряду с АСЕАН начали продвигать стратегическую автономию. То есть, когда эти страны отказались присоединяться к одному блоку или другому, появилась новая форма движения присоединения 2.0. И существуют другие организации, которые действуют наряду с этими альянсами. Это ШОС, это БРИКС и так далее.

Вот мы и подошли к такой точке развития. И что мы точно знаем? Мы сейчас живем в мире, который обусловлен волатильностью, сложностью, неопределенностью, гиперсвязанностью и различными разрывами цепочек связи. И поэтому нам нужно смотреть, как выкристаллизуется новый миропорядок.

И какие эти тенденции? Одна из тенденций заключается в том, что существует трансатлантический альянс, который будет вынужден переживать многочисленные испытания из-за того, что сделал Владимир Путин. Также мы ставим большой знак вопроса в отношении будущего НАТО. Останется ли НАТО таким, каким оно было, европейские страны смогут вынести увеличение оборонных расходов? И Европа очень много тратит для того, чтобы восстановить Европу и с точки зрения экономической архитектуры, и с точки зрения безопасности, и архитектуры безопасности. Но у нас нет фондов и средств на все это, для того, чтобы подкрепить подобные амбиции.

Да, безусловно, я бы сказал, что есть точки соприкосновения и притяжения между Ираном, Китаем и Россией. И поэтому мы можем, в общем-то, говорить о формировании нового альянса, который будет пробивать себе дорогу. Но также мы станем свидетелями новых противоречий, и я бы сказал, что это будет погоня за новыми геостратегическими местами. И Арктика станет местом для подобной конкуренции, для подобного соперничества, также соперничества за природные ресурсы. Например, вы знаете, это микросхемы, это минералы, это редкоземельные металлы. Погоня за ними приведет к соперничеству, и это приведет к формированию новых блоков, когда доллар где-то сохранит свой приоритет, или сложится какая-то система, где доллар уже не будет играть такой передовой роли.

Также мы можем говорить про технологическое соперничество и конкуренцию, когда перед нами формируются две экосистемы. Одна доминирует в Китае, а вторая доминирует в Соединенных Штатах Америки. Искусственный интеллект, машинное обучение, аналитика глубоких данных, автономная система вооружения. Все это выйдет на

передовую, и тогда это станет таким цифровым технологическим разрывом или точкой раздела.

Также, в общем-то, нас ждут продолжительные войны, которые будут гибридными по своей сути, и которые, в общем-то, будут приводить к разрыву технологических цепочек и формированию серых зон. И также мы видим и гонку вооружений, большинство стран сейчас тратят больше средств на вооружение. И также, вы знаете, многие страны балансируют на грани ядерной войны. То есть, американцы сейчас пытаются (00:44:43) новых расщепляющихся материалов, а Китай пытается нарастить количество ядерных боеголовок.

Итак, еще один фронт, который становится все более важным, это информационно-коммуникационная технология. То есть, это, допустим, Darknet, метавселенная.

(00:45:08)

Там будет тоже новая гонка, новая конкуренция, потому что тот, кто будет контролировать эти алгоритмы, будет контролировать и мысли людей.

Что касается будущего, я думаю, что многополярность останется с нами надолго. И многие страны будут или выступать против неопределенности и разрыва этих цепочек, или они будут балансировать, будут присоединяться и прекращать присоединяться к каким-то блокам. Так что, все будет таким текучим. В любом случае страны должны сохранить намерение, стремление к диалогу. И мы говорим про противостояние глобализации и национализма, потому что чистый национализм, безусловно, заведет нас совсем не туда.

Существуют и запросы на реформу многосторонних организаций, таких как Бреттон-Вудские институты, такие как ООН. Мы должны обеспечить большую репрезентативность других стран, нам нужно создавать новые рамочные структуры. И, наконец, я прошу прощения, к сожалению, мы ограничены по времени. Россия и Индия следуют этой тенденции. Я думаю, что, в общем-то, поворот России в сторону Азии, и мы говорим, соответственно, про строительство различных транспортных коридоров. И это наше будущее, которое будет играть на руку не только нашим странам, но также всему региону и всему миру. И, на самом деле, настало время для того, чтобы срезать эти углы, чтобы мы, в общем-то, не начинали новые конфликты, чтобы они не привели к новой мировой войне. Большое спасибо.

Андрей Кобяков: Благодарю, ваше превосходительство, чрезвычайно насыщенное выступление, очень структурированное. Я думаю, будет возможно, что еще какие-то дополнительные нюансы вам осветить во втором раунде. А я передаю слово доктору Ли Бо, который представляет самый крупный негосударственный многоязычный международный политический портал GuanCha, являясь одним из его руководителей. Чрезвычайно интересное новое явление. С интересом смотрю диалоговые ролики и на YouTube, и в других социальных сетях. Сегодня уже много раз упоминался Китай. Я думаю, что как раз наступил тот момент, чтобы услышать мнение на происходящее со стороны китайской.

Ли Бо: Большое спасибо. Большое спасибо за ваше любезное представление. Для меня большая честь и удовольствие прибыть к вам и выступить перед вами про новый миропорядок. Предыдущий докладчик уже говорил про формирование группы двух, G2. Я помню, что Обама приезжал в Китай где-то в 2009 году. И они уже говорят о концепции G2, но Китай отказался от этой концепции. Почему? Потому что в рамках этой конструкции G2 Китаю была отведена роль большой Японии, подчиненной США. Китай не хотел становиться большой Японией или даже Европейским Союзом, и поэтому Китай начал поворачиваться к Азии. Это было в 2011 году. И Хилари Клинтон в США тогда была основным инициатором этого поворота в сторону Азии. И Обама в свое время сказал: «Если мы будем свидетелями подъема Китая с населением 1,4 млрд человек, то это будет губительно для всего мира». И на самом деле США никогда не позволили бы Китаю достичь вот этих целей, пройти так далеко.

И именно поэтому Китай был включен в, в общем-то, вот это Тихоокеанское партнерство. И была также предпринята попытка создать такую небольшую модель НАТО в Азии в 2011 году, опять же, для того, чтобы подавить Китай. Сейчас уже прошло несколько десятилетий. Спросите меня, США и Китай. Будет ли у нас горячая стадия войны? Я так не думаю. Почему? Есть три причины для этого, в первую очередь. Теперь, добавленная стоимость промышленности Китая составляет 33% от общего объема производства в мире, и это в два раза больше, чем в США. Это больше, чем США, Япония и Германия, и Южная Корея.

(00:50:16)

Их объединенная мощь. Если будет горячая стадия войны, то тогда нужны будут дроны, нужны будут роботы. То есть это не просто солдаты, которые будут сражаться там. Но как американцы направят туда своих дронов? И также нужны будут снаряды. И мы слышали, что министр обороны, новый министр обороны США, он прибыл с визитом в Японию. Это было буквально на прошлой неделе. Да, вчера. И он сказал: «У Японии очень храбрые солдаты, когда они воюют против американских солдат». И мы знаем, почему он так сказал. Потому что Америка больше не может позволить себе горячую стадию войны с Китаем. И поэтому нужны прокси. В качестве прокси может выступить Япония, Филиппины. Вот поэтому он так сказал: «Вы храбрые японские солдаты», вот так он сказал.

Но будьте снисходительны. Почему министр обороны США говорит об этом? Потому что США сейчас уходит, отказывается от такого бремени. От бремени глобального полицейского, мирового полицейского. И они даже хотят уйти из Азии. Так они еще пока не сказали. Они говорят: «Мы будем уходить из Европы, потому что мы хотим окружить Китай. Буквально в осаду поместить». Но я должен сказать, что в ближайшие 10 лет не будет никакой войны между США и Китаем. Если только Дональд Трамп и его стремление сделать Америку великой снова не приведет к реиндустриализации США в ближайшие 10 лет. И если это не произойдет, тогда может ситуация измениться. Вот это мой ответ на первый вопрос. Будет ли конфликт между крупными державами? Я имею ввиду Китай и США.

И сейчас я хотел бы перейти ко второму вопросу. Это что касается блокового разделения. Реконфигурации мира. Да, будет два блока. И я согласен с предыдущим докладчиком. Будет существовать такой цифровой разрыв, цифровой разлом, если хотите. И безусловно

США хочет сохранить свое цифровое лидерство в области искусственного интеллекта, в эксплуатации систем. И это золотой миллиард, на самом деле, который превращается в 1,3 млрд. Потому что у них маленькие яхты, и так далее, и так далее. И если так произойдет, то тогда инновационный цикл будет очень большим и очень дорогим. Но так не произойдет, опять же, в целях безопасности. В целях безопасности они никогда не будут делиться этими платформами с Россией, с Китаем. Google буквально два дня назад заявил, что «мы прекратим делиться программами и платформами с открытым кодом в области развлечений».

Но Китай последние шесть лет разрабатывает свою собственную операционную систему. Huawei, вы знаете, компания, которая делает 5G для всего мира. И Huawei преуспели в том, чтобы создать операционную систему нового поколения, которая называется «Гармония». Так что это, в общем-то, технологии с открытым кодом для Китая. И следующий шаг – это технологии с открытым кодом для России.

И мой основной посыл для вас заключается в следующем. Нужно создать, скажем так, такое цифровое сообщество «Россия-Китай». И тогда мы можем курировать США. Не только китайский искусственный интеллект имеет право на существование. Русские очень талантливые. И «Касперский». У вас есть «Касперский». Касперский! Есть «Телеграм». И различные платформы соцсетей. И у вас есть собственные IT-технологии. Если Китай и Россия смогут объединить свои усилия, смогут сотрудничать в создании таких платформ, то тогда мы сможем конкурировать с США.

И корабли становятся критически важным вопросом, потому что вы знаете, что Китай отрезан, США... То есть у нас есть определенные ограничения, в общем-то, кораблей.

(00:55:05)

Микросхемы. То есть там не 1,4, а 2,8. Но на прошлой неделе, это хорошие новости, в Шанхае была конференция по микросхемам. И некоторые наши российские партнеры приезжали к нам. И теперь у Китая есть четыре набора подобного вида оборудования, что позволяет нам создавать и микросхемы, и полупроводники сами. Соответственно, с 28 до 5 нанометров. То есть буквально за пять лет Китай сможет создать такие же машины, которых даже нет у Илона Маска. И он теряет буквально китайский рынок.

И поэтому мое предложение такое. Китай должен открыть эти лицензии для российского IT-сообщества. Давайте, в общем-то, делиться ключевыми технологиями в области технологий. Я говорю не только про российский и китайский рынок, потому что они достаточно большие. Но и должны использовать это лидерство для того, чтобы, в общем-то, работать с другими странами. Мы должны вместе обслуживать индийский рынок. Мы можем вместе потом пойти в Африку, чтобы работать на благо глобального большинства. И мое время вышло. Да, мне нужно остановиться на этом. Большое спасибо.

Андрей Кобяков: Спасибо за выступление. Маленькая поправка. Видимо, плохо было слышно переводчику. Речь все-таки шла не о кораблях ships, а chips. Речь шла о компьютерных чипах. Что, собственно, является критическим со слов докладчика. И необходимо наверстать технологии производства чипов очень малого размера, которые

будут в будущем определять технологическое лидерство. На этом хочется мне передать слово нашему бразильскому гостю. Третий год подряд у нас присутствует представитель Бразилии, причем представитель одного и того же мозгового центра, аналитического центра SEBRI. Два года подряд нашим гостем был уважаемый посол Граса Лима. Сейчас к нам приехал его молодой коллега, академический директор этого института, Фелисиано де Са Гимарайс. Прошу вас.

Фелисиано де Са Гимарайс: Большое спасибо, господин модератор. Большое спасибо всем. Большое спасибо Московскому экономическому форуму за это приглашение. Я впервые в России. Мне сказали, что будет хорошая погода, плюс дня Бразилии – это очень холодно. У нас, конечно, совсем другая погода. Но мне очень понравилось здесь. Я бы хотел начать с последнего вопроса. Какие перспективы для стран с внеблоковой ориентацией? Какие перспективы для нового движения неприсоединения?

Мне кажется, что очень много сходств мы можем увидеть в системе многополярности. Для России, Индии, Бразилии слово «многосторонность», «многополярность» – это очень важный термин. Мы даже ставим знак равенства между многополярностью и БРИКС. За последние 20 лет БРИКС стала очень важной организацией для бразильской внешней политики. У нас наладились отличные дипломатические и экономические связи с США, Европой, с остальными странами мира. БРИКС, мы видим, очень быстро меняется, растет. Китай становится крупнейшим партнером. Один из крупнейших, второй или третий по размерам инвестиций партнер.

И Бразилия также работает много с Индией. Отношения между нашими странами улучшаются значительно благодаря БРИКС. И нам нужно развивать отношения с Россией, Индией, Южной Африкой. В 2008-2009 году мы решили создать коалицию стран для того, чтобы реформировать систему государственного управления. И Бразилия может предложить свой голос, свое видение. Мы можем сесть вместе и реформировать все мировые структуры, МВФ, Всемирный банк, любые другие глобальные институты.

И почему Бразилия отказалась от этого предложения? Почему мы могли бы отказаться? Потому что нам нужен политический доступ на уровне президента. Президент Лула может общаться с президентом Путиным, с премьер-министром Нарендр Моди.

(01:00:05)

И Запад никогда не предлагал нам таких возможностей. Вот она была, реальная возможность. И нам надо было хвататься за нее обеими руками, использовать эту возможность. Как говорил генерал, Бразилия и Индия собираются в ближайшее время подписать очень важное соглашение, самое важное в истории оборонное соглашение с Индией. И это стало возможным только благодаря БРИКС. Только потому, что за последние 20 лет мы тесно работали с индусами, с китайцами, с Россией. И наши многосторонние отношения сильно изменились за это время.

Сегодня Бразилия экспортирует больше в Индонезию, чем в Германию. А это уже говорит о чем-то. Мы очень много торгуем с Азией без Китая, больше, чем со всем европейским союзом вместе взятым. И Россия, конечно, тоже часть этого пространства, этой работы. И

нам необходимо использовать эту возможность для дальнейшего экономического роста и роста бизнес-возможностей. Но в Бразилии на этой стороне Атлантики есть одна загвоздка. И мы традиционно были частью Запада, частью западной культуры. Для того, чтобы играть какую-то роль в этой сложной игре, Бразилии необходимо налаживать мосты. То есть мы остаемся частью БРИКС, да, буква Б, Бразилия, мы всегда будем первой буквой в этой аббревиатуре. Но есть исторические связи с Западом, от которых мы не можем отказаться.

И, конечно, наш взгляд на то, как должна развиваться эта платформа, отличается от России или Китая. Но консенсус необходимо вырабатывать внутри объединения. В любом случае, это реальная возможность отстраивать многосторонность, мультиполярность. И если мы посмотрим на двусторонние отношения между Россией и Бразилией, могу сказать, что у России сегодня торговый баланс 9 млрд долларов. И в течение последующих 10 лет прогнозы говорят о том, что эта цифра может удвоиться.

Одним из последствий санкций против России стало улучшение наших торговых взаимоотношений. Мы видим, что Бразилия все больше экспортирует в Россию и импортирует из России тоже. Сотрудничество выросло. И опять же, была политическая возможность реформировать мировые институты и была экономическая возможность. И после начала специальной военной операции эти процессы только ускорились. Эти возможности выросли многократно. И у нас много схожестей. И между тем, как наши президенты видят будущий миропорядок, Лула и Путин, но и Россия, и Индия, и Бразилия верят в многополярность, в этот важный конструкт, это самое главное.

И мы должны поставить двусторонние отношения на службу идеи многополярности. Мы будем одним из многих полюсов этой новой системы. И для того, чтобы нам работать и достичь консенсуса, нам необходимо мыслить схоже. Нам необходимо настраиваться друг на друга.

В прошлом году был саммит будущего в ООН, и на нем обсуждалось реформирование Совета Безопасности. И Бразилия считается шестым членом, постоянным членом Совета Безопасности ООН. И в последний момент Соединенное Королевство и другие страны выразили несогласие с тем, что Бразилия присоединится, будет частью вот этих шести стран Совбеза из-за близости к США. Но мы мечтаем, мы хотим быть в Совбезе ООН, сохранять постоянное положение в этом органе. И мы верим, что нас поддерживают другие страны, Индия, Германия.

Я думаю, что Россия и Индия должны быть, безусловно, в Совете Безопасности. Это, на самом деле, подтверждает, как работают интересы. То есть мы создаем такой многополярный мир вместе. И БРИКС, на самом деле, – это канал, который позволит нам это сделать. Большое спасибо. Я готов ответить на ваши вопросы. И я надеюсь, что это первый из многочисленных будущих визитов в Москву, в Россию. Спасибо.

(01:05:22)

Андрей Кобяков: Мы рады вас тоже приветствовать. Если это дебют, то дебют состоялся. Будем рады видеть снова. Сейчас мне хотелось бы слово предоставить Дмитрию Олеговичу Голубовскому, моему давнему другу. Передавая слово, может быть, такой мостик от уже

сказанного первым сегодняшним нашим оратором. Сергей Юрьевич говорил о неких практических механизмах становления макро-регионов, связанных с экономической самодостаточностью, с экономической политикой. Говорил о необходимости разработки механизмов, связанных с альтернативными валютами и их использованием. Вообще, как бы традиционно представляется, что процесс макро-регионализации будет сопровождаться и регионализации валютной, что мы будем иметь такую поливалютную систему. Но, насколько я знаю, ваша идея в чем-то идет дальше. Что даже не менее важным по сравнению с созданием собственных валютных эмиссионных центров является вопрос полноты технологических комплексов. Что бы вы сказали с точки зрения возможности регионализации мира с этой точки зрения, в этом аспекте?

Дмитрий Голубовский: Благодарю, Андрей Борисович. Я начну с того, что прокомментирую первый вопрос для дискуссии в вашем списке. Является ли то, что мы сейчас наблюдаем в политике Соединенных Штатов, попыткой вернуть себе доминирование? Нет. Это является попыткой сложить с себя ответственности мирового гегемона с наименьшими для себя издержками. И то, что мы наблюдаем в политике Дональда Трампа, на мой взгляд, это возрождение доктрины Монро на новом геополитическом уровне. Его стремление контролировать логистику, в отношении Панамского канала. Его стремление контролировать весь североамериканский регион, вплоть до того, что он не исключает применение силы для этого.

Это возрождение очень старой, давно забытой, наверное, идеи, она вряд ли кому-то известна, американского техната. Это создание технологической, ресурсно-самодостаточной зоны, которая могла бы полностью обеспечить индустриальное развитие североамериканского континента. Идея была выдвинута еще до Второй мировой войны, и интересный факт, одним из апологетов этой идеи был дед Илона Маска, того самого знаменитого бизнесмена, успешного руководителя высокотехнологичных корпораций американских.

Так что логика того, что делают Соединенные Штаты, она заключается в следующем, что от глобализации по-американски Америка взяла все, что она могла взять. На сегодняшний день эта глобализация приносит им рисков больше, чем прибыли. Почему? Очень просто. В чем суть глобализации по-американски? Америка берет кредит под будущее, создает инновации и распространяет их от центра к периферии мировой экономики, получая прибыль для того, чтобы гасить кредит, и занимает дальше все больше и больше. Так работает американская машина глобальных инвестиций. По мере того, как технологии усложняются, цепочки секьюритизации растут, цепочки создания добавленной стоимости растут, распространяются на все больше и больше стран и регионов, они на себе несут все больше и больше непредсказуемости, все больше и больше рисков. Наступает такой момент, когда цена риска становится неприемлемой для финансовой системы. Финансовая система – это система управления в рамках той версии капитализма, в которой мы сейчас существуем. Это когда все превращается в актив. Можно назвать это, ну, есть такой термин – финансиализм.

И на сегодняшний день глобальная финансовая система с ее ядром в Соединенных Штатах больше не может контролировать глобальные риски. Поэтому, как уважаемый господин Глазьев говорил, идет фактически процесс постепенного отказа от обязательств, потому что санкции – это форма отказа от обязательств. Этот процесс будет продолжаться, и задача Соединенных Штатов – этот процесс провести просто в управляемом режиме.

При этом им очень важно сохранить что? Первое – все компетенции, которые они наработали, которые дают им возможность реализовывать существующий технологический уклад.

(01:10:02)

И второе – все необходимое ресурсное обеспечение для этого технологического уклада. Я думаю, что это является стратегической целью их политики. И с этой точки зрения я прекрасно понимаю стремление Дональда Трампа, например, перенести все производство чипов в Америку с Тайваня. Он педалирует эту тему. Я прекрасно понимаю его стремление найти контролируемые ресурсы редкоземельных металлов. Потому что, хотя, казалось бы, это очень узкий рынок, если посчитать его миллиардами долларов, это очень немного, но редкоземельные металлы – это витамины последнего технологического уклада. Вы без них не сделаете ничего в рамках новых технологий производства чипов, даже touchscreen для смартфонов не сделаете.

Я понимаю его стремление обеспечить ресурсную самодостаточность. Я напому, что в первую его президентскую кондицию именно он поставил перед США задачу достижения энергетической самодостаточности. И они этого дела достигли.

Все остальное этих людей, которые сейчас выбрали для себя, на мой взгляд, и это уже очевидно, такую линию поведения, что будет происходить в мире, волнует очень мало. America first. Вам это говорят открытым текстом. В чем проблема всех остальных? Проблема всех остальных заключается в том, что плоха ли была Америка, хороша ли она была. Можно по-разному относиться к Pax Americana, но мы ему доверяли. Это довольно по-разному относится к пакту Америка, но мы ему доверяли. И мы пользовались его институтами финансовыми, банковскими, его валютой, как чем-то, чему можно верить. На сегодняшний день вот этот пласт доверия, а это пласт доверия межгосударственного, он уходит.

И можно быть производителем какого угодно количества классных чипов, кофе, зерна, нефти и любых других товаров высокого или низкого передела. У вас будут очень большие проблемы, если вы не можете друг с другом торговать. Я в качестве рабочей гипотезы предлагаю принять то, что пройдет очень немного времени, и у вас будут очень большие проблемы у нас всех с международной торговлей. И перед нами всем стоит возможность, стоит необходимость рассмотрения каких-то возможностей замещения того выпадающего доверия, которое сейчас уходит из глобальной экономики.

Необходимо создание доверенных институтов на уровне в том числе технологического обеспечения, которые позволяли бы финансовые коммуникации между странами. И это, я

думаю, может стать первоочередной задачей для формирования дальнейших каких-то политических объединений.

Что касается технологических центров, я считаю, что главный фокус здесь должен быть сосредоточен на обеспечении стабильности поставок критически важных материалов и обеспечении взаимодействия центров компетенций друг с другом для развития критически важных технологий. Современный уровень сложности в мировой экономике не позволяет нам такой роскоши, как деглобализация и падение глубины разделения труда. Это приведет к колоссальному падению рентабельности капитала и, как следствие, производительности труда во всех странах, уровня жизни. Причем те, кто находятся сейчас на более высоких позициях, будут падать глубже и больше.

И это нужно осознать, потому что мы стоим перед кризисом затяжного падения глобального ВВП, если мы не предпримем необходимых действий для налаживания стратегического взаимодействия друг с другом. Вот в той именно глобальной ситуации, которая сейчас сложилась. И я думаю, что у ключевых стран, которые озабочены теми процессами, которые сейчас в мире происходят, это страны БРИКС в первую очередь, наиболее крупные экономики, это Китай, который пострадает от торговых войн очень сильно. И я вдохновлен мнением нашего китайского коллеги о том, что многие китайские технологии следовало бы просто открыть для их распространения. Это не просто какой-то благородный жест, это на самом деле то, что заложит основу коллективного рынка. Это очень важно, сохранение рынка и его рост.

Я думаю, что всем странам, которые здесь озабочены всей этой ситуацией, нужно найти в себе такую возможность проявлять добрую волю и готовность к конструктивным коммуникациям. Потому что сейчас речь даже не идет о формировании какого-то нового блокового разделения мира. Сейчас речь идет о том, что хаос, который будет расти на периферии, должен быть преодолен усилиями самой периферии. И в зависимости от того, насколько каждый какой-то центр может эффективно его преодолевать и будет складываться будущая глобальная архитектура.

И что касается России, в чем я вижу сильные стороны. Сильные стороны России – это сырье и интеллект.

(01:15:10)

Поэтому наш интеллект необходимо организовать, и это государственная политика, и использовать методы международной дипломатии и экономического взаимодействия для того, чтобы найти для него рынки, на котором он может работать. Что касается сырья, как говорил Сергей Глазьев, на него найдется спрос и в Китае, и в Индии. Я думаю, что у всей Евразии, если отложить незначительные, на мой взгляд, противоречия, которые есть между всеми центрами евразийской силы, есть очень хорошая возможность объединиться и создать свою версию глобализации на более справедливых и паритетных основах.

Андрей Кобяков: Спасибо, Дмитрий Олегович. Будет еще возможность на пару минут. Мы уже в достаточно жестком графике находимся. У нас осталось 20 минут до конца нашей

сессии. Доктор Срджа Трифкович, какой-то, возможно, аспект для короткого освещения в течение трех минут вы хотели бы добавить для сегодняшней нашей дискуссии?

Срджа Трифкович: На самом деле, я мог бы говорить больше, чем три минуты. Для России исключительно важно довести СВО до успешного военного окончания. Реальность на Земле сейчас создается военными средствами, и это потом подтверждается за столом переговоров. Идея фикс со стороны США, и, безусловно, это характерно для обеих сторон Атлантики. Идея фикс заключается в том, чтобы проводить какие-то спорные границы. К этому нельзя относиться серьезно.

И Югославия, и Советский Союз, на самом деле, начиная с начала 90-х годов, у них не было никакой легитимности, кроме как границ между федеральными объединениями, которые должны были быть признаны в качестве национальных границ. И границы постоянно меняются, они достаточно гибкие за всю историю. И, на самом деле, я считаю, что граница, которая проведена между Португалией и Испанией, это, может быть, единственная, более-менее, постоянная в Европе. А все другие границы, они менялись за последние 300 лет. И то же самое будет продолжаться и в будущем.

И что касается украинских границ, они тоже не святая святых. Их провели для того, чтобы разделить Россию на огромное количество разных территорий, потому что большевики ненавидели Россию. Но это другая история. И Крым, который Никита Сергеевич Хрущев просто решил подарить Украине, это совершенно скандальное явление. Я бы сказал, что этот элемент мы должны привнести в дискурс, что коммунистические границы, которые были проведены между разными федеральными центрами в эпоху СССР, они не имеют никакой легитимности, они проведены чисто спорным образом. И Россия может перекрывать эти границы в соответствии с этническими, лингвистическими, историческими, географическими и прочими реалиями.

Я мог бы продолжать еще три часа рассказывать нам. Дайте мне еще 15 секунд, я вам сохраню.

Андрей Кобяков: Я надеюсь, это не выражение обиды, потому что вы очень любезный и дорогой для нас оратор и друг. Генерал-майор Шарма, я хотел бы в продолжение вашего крайне насыщенного выступления спросить вас, именно как и военного, и как человека со стратегическим мышлением, видите ли вы какие-то предпосылки для формирования разных альянсов, например, в Евразии? Может быть, на экономической почве, не обязательно, так сказать, в сфере военных коммуникаций, хотя, ну, в самом широком смысле, технологических, экономических, финансовых, транспортных и так далее.

(01:20:05)

Бал Кришан Шарма: Да, я думаю, что это действительно очень важный вопрос, который мне сейчас задали. И давайте я в первую очередь поговорю об экономике. Евразийский экономический союз – это очень здравая концепция. И я думаю, что мы можем наладить взаимоотношения между и ШОС, и инициативой «Пояса пути», и Европейским экономическим союзом. Так что я бы сказал, что это, скажем так, результат, который мы можем достичь очень быстро. Второй важный момент. Вы знаете, Индия хочет быть

важным игроком на Евразийском континенте, и поэтому нам нужно преодолеть все географические ограничения, потому что географически мы никак не связаны с этим регионом. И поэтому, скажем так, транспортный коридор «Север – Юг», его введение в эксплуатацию должно идти быстрее, нежели чем планировали. И, во-вторых, вы знаете, введены определенные санкции стран Европейского союза и не только. Много будет заключаться, как мы можем обойти эти санкции, как мы можем создать такой зеленый коридор с точки зрения, сможем ли мы гармонизировать позиции, связанные с контролем за границей, пограничным контролем и таможней. А, соответственно, сейчас, поскольку коридор идет по территории многих стран.

И, дальше, Владивостокский коридор свяжет Индию с вашим Дальним Востоком. Для нас это более предпочтительная территория. Также это связывает Индию с коридором «Север – Юг». То есть, таким образом, мы сможем создать такую сеть, если хотите, или паутину транспортных коридоров. Так же, как мы готовы экспортировать энергоносители от вас. И, таким образом, мы будем конкурировать с Китаем за позицию первого или второго импортера энергоносителей. И мы хотели бы стать потребителем номер два энергоносителей. Хотели бы, в общем-то, диверсифицировать наши источники поставки. Это позволит нам обеспечить энергобезопасность. И, таким образом, Россия сможет более легко получить доступ через эти коридоры до индийского рынка.

И мои российские друзья всегда говорят мне: «Не забывайте про Афганистан». И, вы знаете, вот этот южный поезд, он очень и очень уязвим. Никто не смог контролировать Афганистан, потому что там 20 разных направлений мысли. Вы знаете, Исламское государство, провинция Хорасан, это настоящая угроза. И из них проистекает основная угроза террористической атаки. И, соответственно, мы должны определиться, как мы сможем, в общем-то, или в рамках договора коллективной безопасности, в рамках ШОС, решить этот вопрос. Как мы можем решить проблемы безопасности, связанные с Афганистаном. Так же, как и другие вопросы, такие как проблема Арала, проблема безопасности и так далее.

Андрей Кобяков: Видите ли вы перспективы для более глубокого взаимодействия России и Индии за исключением лишь торговли сырьем? Возможно, у нас есть перспективы в высокотехнологичных сферах, как вы считаете?

Бал Кришан Шарма: Да, конечно. Индия, как вы знаете, у нас тоже есть кремниевая долина в Индии. И у нас прекрасные информационные технологии, компьютерные технологии. Это одна из тех областей, где цифровые навыки играют важную роль. И я думаю, что Индия – это одна из ведущих цифровых держав в мире. Вы знаете, у нас очень много популярных приложений, которые используются по всему миру. И поэтому мы можем многому научиться друг от друга. То же самое касается передовых технологий. Я имею в виду производство литиевых батарей. А нам нужны эти литиевые батареи из России. Нам нужны различные передовые технологии, которыми может похвастаться Россия, потому что пока не происходит передачи технологий, которые существуют в других странах. Это вторая область.

Третья область, где мы можем помочь друг другу. Индия сейчас развивает телекоммуникационный сектор для Северного морского пути и Арктики.

Квалифицированные рабочие, индийские технократы также готовы прийти вам на помощь и могут стать партнерами при развитии вашего Дальнего Востока. Спасибо.

Андрей Кобяков: Доктор Ли Бо, в продолжение затронутой вами темы возможности или невозможности открытого конфликта между Китаем и Соединенными Штатами и в продолжение темы транспортных коридоров обращает на себя внимание тот факт, что многие конфликты как будто бы нарочно и специально возникают в тех местах, где проходят одни из веток инфраструктурного проекта «Один пояс, один путь».

(01:25:28)

Это и Закавказье, это и Сирия, и это в конце концов и украинский конфликт. Поэтому мне кажется, что противодействие этой важной геополитической инфраструктурной доктрине со стороны коллективного Запада, оно налицо.

И второе, что хотелось бы, так сказать, в качестве провокации для вашего комментария, Япония, о которой вы говорите, американцы готовы использовать как прокси силу против Китая. Но ведь Пит Хегсет вчера заявил также об увеличении резком и численности американского контингента в Японии, и, главное, придание этой группировке совершенно другого статуса. Если она была раньше не самостоятельной и входила в Индо-Пасифик командование Тихоокеанского США, она сейчас получит самостоятельные полномочия для планирования и осуществления наступательных операций. Не кажется ли вам все-таки, что идет определенное нагнетание напряженности в отношениях между Китаем и Америкой, уже близкое к военному конфликту?

Бал Кришан Шарма: Как я уже сказал, Соединенные Штаты Америки сейчас не находятся в той позиции, когда они могут начать горячую стадию войны с Китаем. И на самом деле вот это шоу, которое произошло в Японии, как это сказать? Вы знаете, это оружие последнего прибежища, то есть это последнее, что они могли использовать в этом шоу. Но 10 лет назад стратеги в США говорили, когда США уйдет из Азии для того, чтобы избежать горячей стадии войны с Китаем, тогда мы будем вооружать Японию, даже позволим Японии создать свою собственную ядерную бомбу. Так что это очень серьезный сценарий, и нам нужно иметь его в виду.

Но я хотел бы использовать те две минуты, которые мне даны, чтобы поделиться следующим, что актуально для Московского экономического форума. Я много лет учился и работал в Германии, и я, вы знаете, поклонник Фридриха Листа. И на самом деле он написал правильные вещи, что никакая торговля не дается бесплатно. Почему? Потому что производство – это колюч ко всему. Производство позволяет вам повысить производительность людей. И наш российский коллега уже об этом говорил.

То есть нужны квалифицированные кадры. У Индии есть квалифицированные кадры. Очень интересно. Все три основные державы – Россия, Китай и США. Они все хотят обеспечить устойчивое развитие, создать свои собственные независимые технологии. И мы хотим сами контролировать наше будущее, взять будущее в свои руки. Американцы тоже самое говорят. И это правда. Потому что, когда вы что-то производите, вы наращиваете положительный потенциал. То есть это такой, скажем так, эффект перелива или от

производства технологий. И именно это мы наблюдаем в нашей Кремниевой долине, в Китае, когда Apple собирает свои айфоны. Начиная со смартфона и цепочки поставок, которые были созданы для него, это привело к созданию кластера. И тогда появились китайские микросхемы. И так что, смотрите, Пентагон даже, 80% они покупают у Китая. Как они могут с нами воевать? У нас уже создается истребитель шестого поколения в Китае.

Так что смартфон повлиял на создание других технологий. Потом электромобиль. И вот в этом как раз красота и привлекательность вот этих промежуточных технологий. И Фридрих Лист об этом говорил уже в Германии. И в Америке то же самое об этом говорили. И Массачусетский технологический институт об этом также говорил. И также мы говорим про внеблоковое мышление. Я бы сказал, что мы можем говорить о существовании двух параллельных систем. Но по-прежнему компании и люди, они могут, скажем так, сначала в одной системе, а потом в другой системе отклоняться.

(01:30:07)

И вот мне один человек в отеле сказал, когда он едет в Россию и в Европу. У него Apple. И в то же самое время у него телефон Huawei. У каждого из нас может быть два или три телефона в кармане. И посмотрите, что сказал CEO компании Apple, когда приезжал в Китай. Сейчас по закону данные нужно хранить на серверах в Китае. Нельзя их, соответственно, вывозить в США. И поэтому была достигнута договоренность с Alibaba, что данные будут храниться там. И это соответствует законодательству Китая.

Но в то же самое время вы знаете, что Китай создал самую дешевую систему искусственного интеллекта DeepSeek, которая бесплатна для всего мира. И когда об этом было сказано американской администрации, то оказалось, что эта технология, она и безопасна, и бесплатная. Так что вы видите, можно, соответственно, иметь и ту, и другую систему одновременно. И почему Китай отстаивает open source или открытый код? Потому что 70 лет назад Советский Союз уже предлагали подобные технологии с открытым кодом. И еще у нас то же самое было в 50-х годах, когда я еще не родился. И Советский Союз помог нам реализовать более 1500 отличных крупных промышленных проектов. Многочисленные эксперты приезжали из Советского Союза помогать нам. И в 60-х годах Советский Союз, несмотря на охлаждение отношений, по-прежнему помогал нам реализовать наши проекты для того, чтобы Китай стал членом ядерного клуба. Об этом мы никогда не забудем. Поэтому Китай и отстаивает идею того, чтобы предложить технологии с открытым кодом странам БРИКС, Глобальном Югу и России. Большое спасибо.

Андрей Кобяков: Спасибо за такое эмоциональное выступление. И личное спасибо от меня за то, что вы упомянули такими добрыми словами Фридриха Листа, который является и для меня важнейшим авторитетом. Я когда-то защищал диссертацию на тех же идеях. И идеи Фридриха Листа очень близки Московскому экономическому форуму. Поэтому в этом смысле вы полностью попадаете в среду нашего мышления с этими заявлениями. Фелисиано, несколько слов. Вы говорили о том, что Бразилия и в рамках БРИКС, и вообще в последние годы стремится активно поддерживать многополярность. Продолжая эту логическую цепочку, Бразилия видит себя одним из полюсов этого нового мира. Но мне представляется, что этот полюс не был бы полноценным, если бы не оказывал влияние на

непосредственно свой регион. Как вы видите роль Бразилии в Южной Америке, в формировании такого самодостаточного региона, где Бразилия могла бы быть лидером в этой макрорегиональной интеграции?

Фелисиано де Са Гимарайс: Большое спасибо. Очень интересный и важный вопрос. Да, я всю жизнь изучаю эти вопросы, занимаюсь наукой и изучаю интеграцию в Южной Америке. Ответ будет такой. Бразилия за последние 20 лет должна была пересмотреть свою политику (01:33:43). Мы использовали концепцию Южной Америки. И мы проводим грань различия между Латинской Америкой и Южной Америкой. И что касается национальной идентификации, самоопределения бразильцев, то мы еще завтра об этом поговорим в рамках других сессий. Но это очень важно для интеграции в Южной Америке.

Если посмотреть на Бразилию и другие южноамериканские страны, интеграция не зашла никуда. Можно кратко сказать так. Очень много фрагментации, фрагментированы элиты. Политические идеологии смотрят в разные стороны. В Аргентине правое правительство. И в Бразилии как раз наоборот, левых взглядов придерживаются лидеры президента Лулы да Силва (01:34:30). То есть это еще сильнее усугубляет этот процесс.

И также мы чувствуем на себе влияние извне, в нашем регионе, других стран, Китая, США. А для нас приоритетом должно быть пытаться объединиться внутри наших границ и минимизировать влияние извне. Вот такая ситуация, как произошла в Венесуэле, которая может вообще перейти к интервенции Америки. Мы должны снизить возможность таких событий. И когда я общаюсь с китайскими коллегами, с российскими коллегами, я всегда говорю, что для Бразилии главный приоритет – это оставаться региональным лидером с поддержкой со стороны России, Китая и других стран.

(01:35:23)

Но мы хотим оставаться в центре. Мы хотим общаться визави с США, с Китаем, с Россией, с другими странами. Но они не должны соревноваться между собой за этот регион. Потому что Бразилия – это экономика, и она достаточно крупная, но не достаточно большая по сравнению с Китаем, например, если сравнивать с другими экономиками Южной Америки. Поэтому мы пытаемся выразить мысль, что нам нужны наши партнеры по БРИКС, и мы хотим, чтобы они были нашими союзниками.

Андрей Кобяков: Спасибо, я желаю успехов Бразилии в преодолении тех кризисных явлений интеграционных, я думаю, что у Бразилии огромный потенциал осуществлять эту, под своим лидерством, интеграцию в Южной Америке. Это было бы важно. Дмитрий, буквально несколько слов, мы уже выходим практически за время сессии, уже две минуты, как начался перерыв, или что-то около этого. Можете ли вы коротко все-таки обозначить перспективы каких-то регионов, которые способны были бы на вот эту технологическую самодостаточность с претензиями на занятие достойных мест в будущем мире?

Дмитрий Голубовский: Я надеюсь, что будущее мира будет лучше, чем он есть сейчас, и каждому найдется достойное место. Но кто-то должен взять на себя лидерство в том, чтобы двигаться в этом направлении. Юваль Ной Харари, такой известный футуролог, сформулировал антиутопию империализма данных. Не так давно он выдвинул эту

концепцию, когда сказал, что в мире сформировалось две силы, которые могут создать полноценный искусственный интеллект и технологии бигдата. Это Китай и США, и они обречены на глубокий конфликт друг с другом в силу того, что в новом технологическом укладе они будут противостоящими друг другу технологическими центрами.

Если исходить из этой картины, но я не хотел бы рассматривать ее сквозь призму конфликта, я считаю, что есть как минимум еще одна страна в силу просто демографического ресурса и потенциала интеллектуального, которая может создать такой центр, это Индия. И я считаю, что центром соответствующих компетенций, но не ресурсов является Россия. Центром соответствующих компетенций, потому что очень сильные школы есть и математические, и компьютерные в России, которые могут для этого технологического уклада много сделать.

Поэтому Россия может здесь сотрудничать и с Китаем, и с Индией в деле формирования более распределенных компетенций в мире. Потому что от того, насколько они будут доступны разным странам, зависит то, насколько меньше будет конфликтов в будущем.

Что касается перспектив сотрудничества России и Индии, потому что Индии в этом качестве, мне кажется, еще нужно сформировать свою повестку, потому что Китай уже здесь определенные лидерские позиции занимает. Что касается перспектив сотрудничества России и Индии, здесь были озвучены некоторые очевидные задачи, они носят логистический характер. Задачи, которые носят логистический характер и которые бы решили ряд вопросов безопасности Индии в части поставок энергоресурсов, ну и в части, вообще говоря, внешней торговли. Потому что, на мой взгляд, Индия уязвима. Ну, в силу известных проблем на Ближнем Востоке, просто это очевидно.

Я думаю, что здесь строительство логистических коридоров, в первую очередь через Иран, как наиболее, на мой взгляд, стабильную страну Ближнего Востока, могло бы стать той задачей, которая объединила бы усилия России, Индии и Ирана в том числе, которые тоже находятся в весьма непростом положении. Но объединение этих усилий в контексте обхода санкционного давления, которое, на мой взгляд, является задачей ухода от утратившей доверие инфраструктуры. Финансовой в первую очередь. И не ждите, что американцы предпримут усилия по восстановлению доверия. Нет. Для них, мне кажется, даже такой задачи уже не стоит.

Я считаю, что здесь необходимо, первое, создание технологической основы, которая позволила бы создать общий рынок России и Ирана, и соответствующих расчетов. И уже в рамках вот этого движения будет иметь смысл гармонизация законодательств, в том числе финансовых, и дальше уже работы на земле. Я хотел бы здесь отметить то, что мне кажется очень важным. Не надо запрягать телегу впереди лошади. Запрягать телегу впереди лошади – это строить что-то на земле. Какие-то железные дороги, порты и так далее.

(01:40:18)

Если вы не решите вопрос взаимодействия государств, скажем так, эти инвестиции могут работать далеко не так эффективно, как могли бы.

Андрей Кобяков: Ну, будем надеяться, что удастся сделать и то, и другое. По крайней мере, все мы здесь к этому стремимся. И иранский коллега, который прибыл на наш форум, будет выступать завтра на международной пленарной сессии, особое внимание уделил необходимости построения этих логистических связей. Он как раз торопит нас уже к практической реализации.

Я благодарю всех собравшихся, прежде всего, конечно, участников нашего сегодняшней дискуссии за чрезвычайно обстоятельный, как всегда, времени мало, слов и идей, они просто вот проступают уже, так сказать, не давая себе какого-то такого совместного воздуха. То есть очень высокая насыщенность этих дискуссий. Не первый год. Я надеюсь, что мы продолжим их и в будущем. А пища для ума, я думаю, создана для всех присутствующих, а также для смотрящих нас онлайн, немалая. Спасибо всем за внимание. Спасибо за то, что выбрали нашу сессию.

(01:41:54) (Конец записи)